

в собственной выгоде, угнетает подданных, попирает закон (Ibid. P. 25.1—4). Феодор Метохит, подобно многим другим авторам, также считает тиранию худшим из зол, ибо неограниченная власть дает основу для проявления высокомерия и наглости такого рода правителя. Тираны, согласно Метохиту, оставляют после себя только развалины (*Theod. Metoch. Misc. Col. 638—642*)²⁰.

Под тираном византийские писатели понимали не только неугодного монарха, но и правителя более низкого ранга, для политического поведения которого в рамках его государственной должности характерны проявления деспотизма. По мнению Николая Кавасилы, вредные для общества архонты не могут править городами и должны нести уголовную ответственность (*Cabas. P. 25. 12—15; 23*). Эти обвинения Кавасилы можно поставить в один ряд с выводами его современника Алексея Макремволита: «Правитель государства... должен был принять решение, угодное Богу, и изгнать из правительственного дворца тех, кто не заботится о своих подданных» (*Al. Makr. Dial. P. 210. 14—16*). Однако, поставленные рядом, эти выводы не следует понимать как социально равнозначные. Критические сентенции Николая Кавасилы направлены на защиту тех представителей верхов общества, кто располагал значительной частной собственностью. Слова же Алексея Макремволита, взятые в контексте «Диалога между богатыми и бедными», звучат в духе призыва, вложенного автором в уста городской бедноты: «Дайте нам наше» (Ibid. P. 214. 12). Но и радикально звучащее заявление Алексея Макремволита не является чем-то экстраординарным в истории политической мысли — оно вполне согласуется со средневековым учением о божественных основах императорской власти.

Содержащееся в произведениях поздневизантийских писателей противопоставление достойного архонта тирану позволяет также выявить социальный смысл той свободы подданных, за которую ратует наряду с другими Николай Кавасила: «Как может существовать власть без свободы, выше всего почитаемой людьми?» (*Cabas. P. 26. 1—2*). Ответ Кавасилы на этот вопрос вносит коррективы в его собственное понимание свободы: «Если никто не может быть себе господином, если архонты обладают неограниченной властью, если любое упоминание о государстве влечет за собой боязнь потери имущества, кто тогда заинтересован в приобретении денег, кто будет ремесленником, земледельцем, купцом, зная, что все приобретенное достанется другим?» (Ibid. P. 26. 8—12). Свобода, таким образом, — это свобода собственника прежде всего²¹.

Рассуждения писателей-аристократов относительно необходимости заботы василевса о подданных и их свободе замыкаются на желании обрести некоторую независимость от монарха для представителей верхов общества, которые находились вблизи от трона и грелись в лучах императорских благодеяний. Лишь немногим из тех, кто стремился к реализации гуманистического идеала просвещенной монархии, ситуация при дворе напоминала худшую форму зависимости. Первый министр императора Димитрий Кидонис, сетуя по поводу царившей при дворе пустой болтливости и угодничества (*Cydon. Corresp. Ep. № 114, 6—10*), так оценивал положение государственных деятелей: «Мы ... из-за государственных дел ведем жизнь, какой бы не был удостоен ни один раб, в то время как нас вводят в заблуждение, что мы, якобы свободные, оспариваем первое место между собой» (Ibid. Ep. N 72, 17—18).

Отраженное в поздневизантийской литературе осознание неравнозначности подданных василевса в зависимости от занимаемого ими места на общественной лестнице корректирует поздневизантийский идеал политической гармонии, созвучный представлениям о социальной гармонии. Жители города или общества в целом рассматриваются Григорием Паламой, Димитрием Кидонисом как соотечественники, сородичи, братья. Всякое проявление социальных неурядиц в связи с этим квалифицируется как беззаконие и аномалия. О восставшей Фессалонике Григорий Палама писал: «Город сам с собой воюет, сам себя поражает, своими ногами топчет себя, своими руками раздирает себя, своими криками хулит себя» (PG. T. 151. Col. 12D—13A). Однако, признавая необходимость единства братьев-сограждан, Димитрий Кидонис рисует идеал социума, построенного (как у Фомы Магистра в его трактатах «Пери»

²⁰ Raybaud L-P. Le gouvernement et l'administration centrale de l'empire byzantin sous les premiers Paléologues (1258—1354). P., 1968. P. 36—37.

²¹ Следует учитывать и правовой аспект поднимаемой Кавасилой проблемы: сложность различения частноправовых, и публичноправовых функций, что зачастую приводило к обвинениям в адрес государства в покушении на права частных лиц.